

С.Я. Козлов

ЭТНОЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ – ЭТО ИНТЕРЕСНО И ПЕРСПЕКТИВНО

Признаюсь, что я давно уже, читая художественную литературу, стал подходить ко многим произведениям (далеко не ко всем, разумеется) не только как “просто читатель”, но и как этнограф, отмечая мысленно (“про себя”), какие этнографические проблемы так или иначе поднимаются в данном произведении, как они трактуются автором и (или) его героями, какие страницы, “куски” текста могли бы стать интересной, полезной иллюстрацией для той или иной идеи. Однажды, в начале 1980-х годов, я разговорился на эту тему с И.Р. Григулевичем¹. Он внимательно слушал меня, а потом резюмировал: “А что? Если серьезно подойти к этому, основательно поработать – конечно, не одному человеку, но кто-то один все равно должен быть начинателем – то на стыке науки, истории, скажем, или той же этнографии, и художественной литературы может возникнуть интересное направление, даже субдисциплина. Дерзайте! Только не заноситесь, полагая, что вам первому или вам одному это в голову пришло. Это носится в воздухе”.

Вскоре я убедился в правоте Иосифа Ромуальдовича. Буквально через несколько месяцев (было это весной 1983 г.), просматривая новые поступления в ИНИОНе, я взял в руки только что опубликованную московским издательством “Радуга” (в переводе с французского) книгу, которая называлась “Африканская действительность в африканской литературе”. Автор ее, Жакоб Оканза, был видным политическим деятелем Народной Республики Конго (один из руководителей национальной системы образования, министр торговли, посол НРК в СССР, член Политбюро Конголезской партии труда). Высшее образование (по филологии) он получил во Франции, в университете Бордо, после чего несколько лет преподавал литературу в лицее, педагогическом институте и университете Браззавиля, одновременно писал пьесы для народного театра.

К сожалению, нигде в книге не указано, когда и где вышло в свет первое, франкоязычное издание книги; но подписанное автором “Заключение” помечено 11-м днем ноября 1978 г. Можно предположить, что либо в самом конце этого года, либо в следующем году книга уже была опубликована: издавалась ли она во Франции или в НРК, ясно, что никаких “проволочек” для прохождения работы автора такого ранга не могло быть.

Я так подробно останавливаюсь на этом формальном моменте потому, что с даты выхода в свет (1979 г.) оригинала книги Ж. Оканзы можно, думается, отсчитывать время *появления начала* нового научного направления – или новой “пограничной” дисциплины на стыке этнологии и литературоведения – *этнолитературоведения*. Сам автор нигде не употребляет такого термина (возможно, что он впервые появляется в данной статье); но он очень близко подошел к тому, чтобы “произнести” его, определив жанр своей работы в подзаголовке к ней: “Этнолитературный очерк”. Вот что Ж. Оканза говорит (во “Введении”) об исходных позициях и методологии своего исследования. Указав на очень слабую изученность народов Черной Африки (он употребляет именно это понятие) с позиций “этнологии, психологии, лингвистики, политологии, педагогики и т.д.”, он “предположил, что в произведениях современных франкоязычных писателей Африки содержится весьма ценная и своеобразная информация по поводу африканской действительности, и сведения эти всегда

Семен Яковлевич Козлов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

можно дополнить результатами исследований, проводившихся в рамках перечисленных выше наук. Это и есть отправная точка данного скромного труда” (Оканза 1983: 8).

Для характеристики (часто довольно подробной) и анализа самых разных сторон жизни африканских обществ и народов Оканза привлек материалы, содержащиеся в нескольких десятках романов разных африканских авторов, в основном – крупных, хорошо известных. Это такие имена, как Усман Сембен (Сенегал), Бернар Дадьё (БСК), Фердинанд Ойоно (Камерун), Сейду Бадиян (Мали), Олимп Бели-Кенум (Бенин), Давид Анану (Того) и другие. В списке использованных Оканзой произведений – 38 названий; 12 из них к началу 1980-х годов были изданы и на русском языке. Среди них – и романы Рене Марана (1887–1960), антильского негра (родом с Мартиники), действие которых происходит во французской колонии Убанги-Шари (после обретения независимости – Центральноафриканская Республика). Роман Р. Марана “Батуала” (1921), резко антиколониалистский по своей направленности, принес автору Гонкуровскую литературную премию и широкую известность в мире.

На материале этих произведений Ж. Оканза обсуждает чрезвычайно большой круг тем и проблем: появление на свет младенца и связанные с этим событием действия и ритуалы; тема близнецов (от рождения до смерти) в традиционном африканском обществе; вступление молодых в жизнь общества; различные аспекты материальной и духовной культуры (жилище; календарь; фольклор в разных его жанрах); все аспекты института брака; общественное положение женщины; африканец и африканка за работой; “человеческие взаимоотношения” (родители – дети, супруги, родственники, соседи, земляки); досуг; традиционные верования, суеверия и предрассудки; метафизическое восприятие мира; тайные общества и колдовство; смерть человека. Отдельная часть работы – “Колониальная действительность Африки”.

Литературно-художественный материал Ж. Оканза дополнял, уточнял собственными наблюдениями и сведениями (этнографическими, социологическими), в основном по родному для него народу аква: “...я тщательно проверял, насколько описанное явление соответствует реально существующему или существовавшему... я попытался показать, насколько информативными... могут быть произведения современных африканских писателей.

Естественно, странно было бы ожидать, что все писатели с абсолютной точностью и объективностью воспроизвели в своих произведениях те или иные явления африканской действительности. Был произведен строжайший отбор и систематизация цитат... цитата из художественного произведения использовалась как иллюстрация для вполне конкретного явления, подмеченного в той или иной африканской стране” (там же: 9, 11).

Огорчительно, однако, что при обилии фактического материала авторская (Ж. Оканзы) оценка его, как и интерпретация того или иного описанного явления, занимает весьма скромное место в общем тексте. Тем не менее нельзя не признать важность проделанной им работы.

Он убедительно показал, что лучшие африканские писатели очень реалистично отразили в своих произведениях африканскую действительность во всей бесконечности ее проявлений, – и людей в их разнообразнейших взаимоотношениях, и социальные институты в их эволюции, и могучую силу традиций, и многое, многое другое; и потому их сочинения можно рассматривать как полноценный, полновесный историко-этнографический источник и в качестве такового использовать их и при научном изучении африканских обществ – разумеется, дополняя его, уточняя, проверяя всеми другими доступными материалами, относящимися к соответствующей теме.

Автор вступительного слова к книге чл.-кор. АН СССР А.А. Громыко (в те годы – директор Института Африки АН СССР), комментируя жанровое определение (“этнолитературный очерк”), которое дал своему труду Ж. Оканза, указал на “социогра-

фический характер” этого сочинения. Он отметил, что «сравнительно недавно получивший распространение в мировом литературоведении термин “социография” определяет жанр, сложившийся на пересечении научно-социологической и художественной литературы. Цель его – описание тех или иных общественных групп и слоев населения» (*там же*: 3–4).

Мне трудно судить, насколько широко используется термин “социография” в том качестве, о котором говорит А.А. Громыко. Во всяком случае, в сочинениях российских (советских) литературоведов он мне не встречался. А “Краткий словарь по социологии” сообщает, что термин “социография” был предложен немецким ученым Р. Штейнметцем еще в 1913 г. “для обозначения социологической дисциплины, использующей эмпирические методы для описания жизни современных обществ (в отличие от этнографии, описывающей жизнь первобытных народов) (так в то время понимался многими объект и предмет этнографии. – С.К.)... В западной социологии С. обычно отождествляется с эмпирическими исследованиями в социологии, в частности, с описанием социальной системы” (*Краткий* 1988: 335). Как видим, характеристика данного термина у А.А. Громыко не совсем тождественна той, что дается ему в социологическом словаре. Но это – так, в порядке уточнения.

В 1985 г. в “Советской этнографии” появилась содержательная, изящно выполненная статья М.Г. Рабиновича “Город и поэт”, имевшая подзаголовок “К этнографическому источниковедению” (СЭ № 1), напрямую относящаяся к теме, которую мы обсуждаем. Видимо, он первым в советской этнографии обратился к проблеме использования художественной литературы (еще конкретнее – поэзии) как этнографического источника – на примере поэтических произведений (разных жанров) А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, А.А. Блока. Михаил Григорьевич показал, как много бытовых, психологических и иных деталей, важных для этнографа – исследователя города (а сам он был великолепным знатоком и исследователем русского города), содержат строки этих авторов, умевших насыщать свои поэмы и стихотворения “убедительными и достоверными зарисовками обстоятельств, положений, бытовыми подробностями, которые они наблюдали в окружающей их действительности” (*там же*: 129).

Интересную статью об использовании материалов из художественной литературы в этнографической науке опубликовала в 1986 г. Е.И. Филиппова (*Филиппова* 1986). Она напомнила о различных мнениях, существовавших (к тому времени) в советском источниковедении о художественной литературе как историческом источнике, о возможности и целесообразности использования ее в качестве такового, о том, “какие требования предъявлять к этому источнику, ответы на какие вопросы в нем искать” (*там же*: 26, 27).

Е.И. Филиппова разделяет мнение тех исследователей – и я здесь полностью согласен с ней (и с ними), которые считают, что те или иные факты, материалы художественного произведения могут рассматриваться в качестве источника “только в том случае, если оно создано на основании личных наблюдений автора” (*там же*: 26). Права она и в том, что “для этнографа художественная литература может служить источником еще в большей степени, чем для историка” (*там же*: 27), так как в большинстве произведений как классической, так и современной литературы (особенно в крупных) обильно представлен материал из таких сфер, как быт, нравы, материальная и духовная культура различных групп и слоев общества, которые (сферы) были и остаются предметом этнографического (этнологического) изучения.

Большое значение, отмечает Е.И. Филиппова, имеет художественная литература для этнографии города, так как специалисты-этнологи обратились к этому объекту сравнительно недавно, при изучении таких проблем, как быденное сознание, стереотипы и нормы поведения, “ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, а также брачно-семейные отношения и другие аспекты соционорматив-

ной культуры” (*там же*: 27, 28, 30). Автор подтверждает свои соображения рядом примеров из русской литературы XIX в.

Особое внимание Е.И. Филиппова уделяет проблеме источниковедческого анализа привлекаемых этнографом произведений – “с применением всего комплекса методов, выработанных исторической наукой” (*там же*: 30–36). Бесспорен заключительный вывод автора статьи: “для получения достоверных результатов данный источник (художественная литература. – С.К.) должен использоваться в комплексе с различными видами традиционных этнографических источников” (*там же*: 36).

К 200-летию А.С. Пушкина наш журнал опубликовал три отличные статьи на тему “Пушкин и этнография”.

Л.А. Тульцева, “отталкиваясь” от двух строчек из “Онегина” (“Умилно на пучок зари / Они роняли слезки три...”), реконструирует бытовавшую в старину в России традицию **плакать на цветы** во время церковной службы на Троицу (основываясь на литературных материалах и собственных экспедиционных изысканиях). В данном случае строки поэта выступают не столько как “источник”, сколько как повод для этнологической реконструкции одного из древних и очень поэтичных русских народных обычаев, связанных с поминальным культом. Автор отмечает при этом, что «таких подробностей *милой старины*, как в “Евгении Онегине”, так и в других пушкинских стихах, поэмах, повестях, литературных записях, рассыпано великое множество» (Тульцева 1999: 12); в качестве примеров она приводит повесть “Барышня-крестьянка” и сказки А.С. Пушкина.

Содержательное фольклористическо-литературоведческое исследование, связанное с образом Руслана из первой пушкинской большой поэмы, представил нам Л.Н. Пушкарев (Пушкарев 1999).

Е.Г. Кагаров интересно и подробно осветил такую тему, как отражение в произведениях великого поэта народных обрядов и поверий (причем не только русского народа, но и других народов многонациональной страны); в его работе пушкинские строки также не столько источник (или совсем не источник), сколько повод для этнологических выводов – об идеологии кровной мести (на Кавказе), об обычае аталычества (*там же*), о различных суевериях у славянских и других народов Европы, об институте побратимства, свадебных обычаях и целом ряде других сюжетов. Это уже явное этнолого-литературоведческое исследование (Кагаров 1999).

Справедливо будет напомнить, что одним из первых указал на роль многих российских литераторов в собирании и художественном изложении этнографических материалов С.А. Токарев (Токарев 1976). Он, в частности, говорит о писателях 1860-х годов, составивших направление, известное как “этнографическая беллетристика” (Николай Успенский, Левитов, Слепцов, Решетников, Глеб Успенский и др.), которые в своих повестях и рассказах продемонстрировали великолепное знание народной жизни, быта разных слоев русского общества (помещиков, чиновников, крестьян, городских ремесленников), их психологии, духовного мира, фольклора. Особо отметил С.А. Токарев известные произведения П.И. Мельникова-Печерского, посвященные жизни заволжских старообрядцев – “В лесах” (1871) и “На горах” (1875): “Эти романы, сделавшие славу Мельникову-Печерскому как писателю, поражают точностью, конкретностью этнографических описаний” (*там же*: 254). Называет Сергей Александрович в этом контексте и рассказы И.С. Тургенева из цикла “Записки охотника”.

Бесспорно, эту тему – русская литература как интереснейший и полноценный источник для научного этнографического (этнологического) изучения различных сторон, явлений, сфер жизни русского и других народов России – можно развернуть гораздо шире. Особенно писатели-реалисты XIX–XX вв. дают огромный, практически неисчерпаемый материал для такой работы.

Быть может, началом этнолитературоведения в России должно считать прекрасную статью “Пушкин как поэт-этнограф”, которую выдающийся отечественный фольклорист, языковед, этнограф, археолог В.Ф. Миллер написал к 100-летию рождения великого поэта. Е.Г. Кагаров в упомянутой выше статье приводил оценку вклада Пушкина в нашу науку маститым ученым 100 лет назад, не грех повторить ее: “Заслуги Пушкина для русской этнографии несомненны... Успехи науки вызывались не одними специальными учеными трудами. Будущие ученые специалисты нередко определяли свою дорогу под влиянием возбуждения, полученного от людей, вовсе не принадлежавших науке, ...но умевших влиять на других, передавать им свои увлечения известными идеями. Такою властною, гениальною, обаятельною натурой обладал Пушкин” (Кагаров 1999).

Говоря о Пушкине, отмечают преимущественно этнографические и фольклорные сюжеты, образы и мотивы в его произведениях, отражение в них народных поверий, обрядов и обычаев, хорошее знание им фольклора русского народа (и многих других – славянских, кавказских, цыган и т.д.).

Однако совершенно недостаточно освещено значение для этнографии одного из главных произведений поэта – романа в стихах “Евгений Онегин”, который В.Г. Белинский называл “энциклопедией русской жизни”. Между тем здесь исследователь-этнограф обнаруживает развернутую, верную в деталях, характерных и точных, жизнь различных слоев русского общества в 20-е годы XIX в. Перед нами предстает и салонный мир столичного “света”, и провинциальное дворянство, и московское барство, и крепостное крестьянство. Здесь межличностные, социальные и бытовые отношения даны и крупными мазками, и тонкими деталями, мимо которых не может пройти исследователь, который решился бы от дней сегодняшних обратиться к тому притягательно интересному времени, навсегда связанному для нас с личностью великого поэта, им же навсегда и воссозданному. Конечно, нам прежде всего интересны люди этого времени.

Вместе с тем и то, что относится к сфере материального быта (жилище, одежда, пища, различные бытовые предметы и детали), и то, что характеризует нравственные нормы (правила поведения, этикета, понятие чести и связанные с ним поступки), а также такие сферы, как воспитание, образование, служба дворян, круг развлечений – в деревне, в Москве, в Петербурге, интересы и занятия женщины из “благородного сословия” – и многое, многое другое – не может не привлечь внимание исследователя.

И здесь нельзя не вспомнить, что по всем этим сюжетам замечательно точные, умные, интересные наблюдения и характеристики содержатся в широко известной работе выдающегося отечественного культуролога и литературоведа Ю.М. Лотмана «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”: комментарий» (Л., 1980). Все сказанное относится и к его книге “Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX)” (СПб., 1994). Многие страницы этих и других сочинений Ю.М. Лотмана имеют прямое отношение к сфере этнолитературоведения.

Сколько ценной, точной, интересной информации может почерпнуть этнограф в произведениях Н.В. Гоголя! Я имею в виду его “Вечера на хуторе близ Диканьки”, повести петербургского цикла, и “Миргород”, и прежде всего и главным образом – “Мертвые души”, названные самим автором “поэмой”, но являющиеся, бесспорно, одним из самых выдающихся реалистических романов русской и мировой литературы. Громадный массив разнообразнейшего материала, сконцентрированного автором на страницах этого произведения, – неисчерпаемый клад для познания жизни России середины XIX в. Точнейшие (“говорящие”) детали – портретные и бытовые (от деталей внешности героев до предметов быта, туалета); губернский город и помещичьи усадьбы; помещики, чиновники, крепостные крестьяне, лакеи, случайные люди; наконец, появление в феодальной России предпринимателей буржуазного толка (тот же проходимец Чичиков, пытающийся сколотить состояние “из воздуха” – на

скупке за гроши и выгодной последующей перепродаже мертвых крестьянских “душ”: чем, кстати, не прообраз многих российских дельцов 90-х годов XX в., делавших состояние иногда буквально “из воздуха”?) Все это разве не материал для этнологического, этносоциологического исследования соответствующей эпохи?

А как много этнолог, этнопсихолог может “высмотреть” в романах, повестях, рассказах Л.Н. Толстого! Возьмем, к примеру, “Войну и мир”. Сколько здесь разнообразных человеческих типов: петербургская аристократия и мелкопоместное дворянство, вельможи и крестьяне, генералы и солдаты, офицеры-дворяне и офицеры из народа (капитан Тушин), купцы и мещане, какие разные “простые” люди – Платон Каратаев и крестьянин-партизан из отряда Денисова Тихон Щербатый. Прежде всего, конечно, здесь мы находим грандиозный материал о дворянстве, включая быт, нравы, занятия, чувства и мысли разных групп этого сословия. Какой материал для этнопсихолога содержит один лишь эпизод охоты на волков (бесспорно, из числа самых ярких и поэтичных в романе). Как впечатляюще, художественно сильно показаны здесь самые основы русского народного характера (энергия, смелость, смекалка, быстрота реакции, врожденная способность к самой трудной работе – в сочетании с физической мощью) через образы мужика Данилы и молодого графа Николая Ростова. Борьба с матерым волком, одоление его воспринимаются как залог будущей победы над гораздо более опасной и враждебной силой – нашествием “двунадесяти языков” во главе с покорителем Европы Наполеоном. (Вспомним, что и в известной басне И.А. Крылова “Волк на псарне”, посвященной Отечественной войне 1812 г., коварный враг тоже предстает в образе волка.)

А, скажем, повести “Казачи”, “Хаджи-Мурат”, цикл кавказских военных рассказов (“Набег”, “Рубка леса” и др.) – сколько здесь сцен, описаний, диалогов, внутренних монологов, авторских мыслей, которые имеют прямое отношение не только к литературоведению, но и к науке о народах: межэтнические отношения в разных формах, этнические типы личности, быт народов, частная, семейная, личная жизнь, личностная и групповая (в том числе этническая) психология, – все это мы найдем в данных произведениях.

Я привожу лишь отдельные примеры, “на минуту”, как говорится, прикасаясь к названным сочинениям Л.Н. Толстого, весь мир творчества которого, в общем-то, неисчерпаем, в том числе и в плане этнологического к нему подхода.

Так же “на минуту” остановлюсь на поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” (о которой он сам как-то сказал, что собирал ее 20 лет по словечку); литературоведы справедливо называют ее эпопеей народной жизни. Чего стоят, к примеру, такие главы, как “Сельская ярмонка” и “Пьяная ночь”! Как широко и многоцветно представлено здесь крестьянство, самые разные люди и типы; в изображении массового праздника, народного гулябщица, когда люди ведут, проявляют себя естественно, раскованно и свободно, есть что-то раблезианское, что-то перекликающееся с живописью великих фламандцев...

Какое благодатное поле для этнолитературоведа представляет художественный мир А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова и многих других российских писателей – выдающихся и просто талантливых, умных, интересных. Сколько этнографии в книгах И.С. Шмелева (“Лето Господне”, “Родное”, “Богомолы”, “Пути небесные” и др.) и В.А. Гиляровского (“Трущобные люди”, “Мои скитания”, “Москва и москвичи”, “Люди театра”). У меня была возможность сказать об этнографичности сочинений К.Н. Леонтьева (Козлов 2002). В общем-то это “поле” практически безграничное: этнография (этнология) и художественная литература.

Здесь, видимо, уместно сказать, что это направление с середины 1980-х годов активно развивается в западной этнологии (культурной/социальной антропологии). Назову работы Ф. Пойатоса, Дж. Клиффорда, К. Миллера, В. Айзера и др. (Poyatos 1988; Clifford 1988; Miller 1990; Iser 1993).

Нельзя, однако, не заметить, что в отечественной науке почти во всех работах, о которых шла речь выше, материалы художественной литературы рассматривались либо целиком, либо преимущественно как еще один вид источников в этнологических исследованиях. Но возможен (и нужен) более широкий подход – с точки зрения отражения в литературе тех или иных проблем, которые изучает этнология. Пример такого подхода – недавняя статья С.Н. Абашина (*Абашин* 2003) по поводу новеллы современного российского писателя А. Волоса “Хуррамабад”. С.Н. Абашин прочитал это произведение из таджикской жизни 1980-х–1990-х годов как *этнограф* и поделился размышлениями по поводу центральной проблемы, поставленной в этой новелле (“Способен ли человек сменить свою этничность?”).

Я не стану здесь ни обсуждать саму эту проблему, ни комментировать размышления Абашина (в связи с ней вообще и в связи с материалом новеллы, образом ее главного героя). Хочу лишь активно поддержать коллегу в его убеждении, что литературное сочинение вполне может “быть материалом для исследования, публикуемого в научном журнале” совсем не литературного профиля, что “такой прием” (лучше, думается, сказать: такой подход к литературному произведению) “вполне имеет право на жизнь” (*там же*: 4).

Напомню также, что С.Н. Абашин еще раз обратил внимание на «роль литературы в создании “этнического дискурса”, этнических символов и этнических историй», что “возникло уже целое направление исследований, изучающих литературный текст как часть нациогенеза” (*там же*).

Я полностью согласен с Сергеем Николаевичем, что нашей науке “нужны поиски новых вопросов, новой интерпретации старых проблем и (может быть, особенно! – С.К.) новых жанров” и искренно приветствую его эксперимент – “соединить два жанра: этнографическое исследование и литературную критику” (*там же*: 5). Я солидарен с С.В. Соколовским, который отметил, что статья С.Н. Абашина интересна не столько своим содержанием (хотя оно, бесспорно, тоже интересно), “сколько формой, стилем, избранным жанром” (*Соколовский* 2003).

Попытаюсь и я сейчас перечитать “глазами этнографа” давно, еще в студенческие годы прочитанный и запомнившийся роман “Незванные гости” Эльзы Триоле (*Триоле* 1959). Автор – француженка российско-еврейского происхождения (родная сестра Лили Брик, подруги В.В. Маяковского), жена выдающегося французского поэта и прозаика Луи Арагона; вместе с ним она в годы Второй мировой войны активно участвовала в движении Сопротивления. Перу Э. Триоле принадлежит много романов (цикл “Нейлоновый век” и др.), повестей, рассказов; в 1945 г. она была удостоена – кстати, первой из женщин – Гонкуровской премии, самой престижной литературной награды Франции.

Герои, точнее, действующие лица романа “Незванные гости” – в большинстве своем представители эмигрантских групп или этнических меньшинств. Проживая во Франции несколько десятилетий или даже несколько веков, они все равно не воспринимают ее как родину. Проблема этнонационального самоощущения, самосознания, самоопределения – почти основная (если не главная) у многих персонажей этого произведения.

Центральный из персонажей – Ольга Геллер, русская (дочь бывшего советского работника-невозвращенца в 1930-е годы), попавшая во Францию с родителями девочкой-подростком и принявшая еврейскую фамилию своей ленинградской подруги. Ее взрослая жизнь (красивой женщины, сотрудницы, а затем директора преуспевающей – благодаря ее талантам – рекламной фирмы) проходила в Париже, который Ольга полюбила, но «никогда она не говорила, даже шепотом, даже наедине с собой “мой Париж”» (*там же*: 97). Восприятие же Франции (в сравнении с родиной – СССР) она выражает так: “Когда я была девочкой, у меня было сто пятьдесят миллионов друзей и подруг... Теперь вокруг меня сорок миллионов прохожих...” (*там*

же: 97). Но когда на ее новую родину (страну проживания?) пришла беда – гитлеровская оккупация, Ольга героически сражалась в рядах французского Сопротивления (где ее знали как Монику); в 1945 г. ей вручили орден Почетного легиона.

Вот она говорит о своих (не только своих, конечно, – эмигрантов вообще) взаимоотношениях с приемной родиной с летчиком и писателем Дювернуа, представителем старинного дворянского рода, которому во время войны Ольга-Моника спасла жизнь; сейчас, в начале 1950-х годов, он задумал роман об эмигрантах и собирает “материалы”. “Вы (Ольга имеет в виду коренных, “настоящих” французов. – С.К.) получаете все права при рождении, вы наследуете их от родителей, вам ничего для этого не надо делать... Даже самые мерзкие из людей, те, что предают свою страну и свой народ, имеют право говорить моя страна, мой Париж... А мы спускаемся в львиный ров, и что же... Нет, для того, чтобы страна, не являющаяся нашей родиной, разрешила нам себя любить, нам ставят слишком много условий, слишком много... лучше хранить про себя и свою любовь и свою тоску. Так лучше... Если вы живете не в той стране, в которой родились, вас всегда подозревают в патриотизме по отношению к вашей родной стране. А родная ваша страна, заметьте, подозревает вас в патриотизме по отношению к той стране, в которой вы живете” (там же: 159).

Как видим, у Ольги обостренное отношение к приемной родине – отношение эмигранта в первом поколении, хотя и прожившего здесь почти четверть века (к “романному времени” – к началу 1950-х годов), сделавшей удачную деловую карьеру, материально вполне обеспеченной, отмеченной самой высокой наградой Франции. Но она хорошо помнит свою родную родину (если можно так сказать); разницу между той и другой она (разумеется, автор книги, во многом, несомненно, отталкиваясь от собственных ощущений и переживаний) формулирует очень образно и по-женски тонко: “с родиной у нас ведь семейные отношения...” (там же: 127–129).

А вот разговор на темы патриотизма и укорененности между двумя “детьми Франции”, двумя друзьями (судьба соединила их в годы войны в гитлеровском концлагере Маутхаузен). Один из них, Патрис Граммон, по профессии дипломат (с прогрессивными взглядами) – коренной француз; другой, Серж Кремен, музыкант, активист компартии, французский гражданин от рождения, но он – француз в первом поколении: его отец – русский революционер, еврей по национальности, бежавший во Францию с царской каторги. Патрис: “... я знаю только один патриотизм – когда предпочитают свою страну всем остальным. Но для этого прежде всего надо, чтобы у человека были корни в родной земле...” Серж: “По поводу корней я мог бы тебе ответить, что корень корню рознь. Например, мой отец – Наум Кременчугский, сосланный в Сибирь в 1905 г. и погибший в 1917 г. во Франции, под Аррасом, – как, по-твоему, есть у него корни во французской земле? А сын его – Серж Кремен, родившийся после его смерти в 1918 г. и гнивший в немецких лагерях... – есть у него корни во французской земле?” (там же: 170).

Выходит, проблема родины (и одновременно идентичности) не очень проста и для человека, родившегося на этой земле. Старый белоэмигрант, русский князь Н... говорит в связи с данной проблемой полковнику Дювернуа: “Чувства и убеждения нашей молодежи (имеется в виду русская белая эмиграция. – С.К.) несут глубокий отпечаток комплекса неполноценности... Молодые люди относятся к Франции, как отвергнутые любовники, у них к ней несчастная любовь... поэтому они начинают все и всех презирать и ненавидеть... Эти дети полагают, что ваша страна их терпит только из милости... Все то, за что мы, эмигранты, благодарны Франции, им кажется недостаточным, невыносимым, унижает их, оскорбляет...” (там же: 80).

Серж Кремен – коммунист, француз по рождению; Ольга Геллер – формально не член Французской коммунистической партии, но по своим убеждениям близкая к ней; молодое поколение белой эмиграции, родившееся во Франции, в подавляющем большинстве – яростные антикоммунисты и антисоветчики (в терминах того време-

ни), как характеризует их князь Н...; но как много общего в их взаимоотношениях с “приемной родиной”... Как проблемны, как остры эти отношения для всех для них...

До предела драматичная ситуация “не у себя дома” представляется в картинке, которую нарисовал Сержу его приятель адвокат Ив Бонето: «На днях я пошел вечером в “Зал Плейель” на советский фильм... Там было полно русских, русских бело-гвардейцев. Они пришли послушать родную речь и посмотреть, хотя бы на экране, пейзажи своей родины. Некоторые из них плакали, когда в фильме молодые советские герои умирали, защищая родную землю от фашистов. А ведь зал, наверно, был полон русскими фашистами, и вот они тоже проливали слезы, гордясь храбростью своих соотечественников... Тоска по родине... в ней и зависть, и горечь, и отчаяние... Те, на экране, были у себя, а эти – в зале... всегда на откидных местах, в проходе, вечно принужденные вставать, чтобы пропустить других, имеющих неоспоримое право сидеть в креслах» (*там же*: 116).

Несколько по-иному эту ситуацию разрешают для себя люди творческие. Ив Бонето говорит о них: “для русских художников, которых мы знали в молодости на Монпарнасе, не существует подобных проблем... Они уже не молоды, они добились определенного положения, они все натурализовались... Когда интеллигент-иностранец преодолел проблему языка, он прекрасно может, где бы он ни был, жить внутри своей культуры, он берет свою культуру с собой всюду, куда бы он ни попал. Я был знаком с русским эмигрантом Иваном Буниным, лауреатом Нобелевской премии... Я спросил его, как может он, живя во Франции, писать по-русски. Он мне ответил, что прекрасно может! Для него родина – это родной язык, и, по его мнению, писатель теряет родину только тогда, когда отказывается от своего языка...” (*там же*: 345).

Интересны страницы, посвященные польской эмиграции. После Первой мировой войны во Францию приехало много поляков – трудиться в шахтах (на родине для этих людей не было работы).

“Вначале они считали делом чести оставаться самими собой, сохранять свои национальные черты, – рассказывает Ив Сержу. – Они жили во Франции, как в Польше, и даже не научились говорить по-французски... Это в первом поколении. А если ты возьмешь второе и третье поколение... Ведь некоторые из них стали совсем французами! Для них уехать в Польшу значило бы вновь эмигрировать! Они снова пережили бы те муки, которые испытывали их родители, покидая Польшу! Не говоря уже о смешанных браках... Я знаю некоторых, которые ездили в Польшу с делегациями. Они плакали, увидев родную деревню, людей, говорящих только по-польски, и польские знамена, и праздники... Но они уже полюбили бифштексы с жареным картофелем и кофе севера Франции... А жизнь во Франции легче, чем в Польше, где все только еще строится, восстанавливается...” (*там же*: 263).

Серж хорошо знает ситуацию в этом регионе; слушая Иву, он думает о том, что многие “поляки не только не офранцузились, а, наоборот, ополячивали французов... в этих местах встречаются французские дети, которые по-польски говорят лучше, чем по-французски!” (*там же*: 260). Этнолог сказал бы, что, видимо, там шли не только ассимиляционные процессы, когда коренной, основной этнос, французы, ассимилируют эмигрантов-поляков, но и процессы интеграционные; процессы взаимного культурно-языкового воздействия.

Серж вспоминает шахтерский поселок, где живут поляки, и рассказывает Иву, как устроен быт у его обитателей: “Возле каждого дома во дворе стоит отдельно кухня; чтобы в нее попасть, надо перейти двор. Так вот, в этом поселке все польские семьи сидят на кухне, а в дом, где у них хорошие комнаты, ходят только спать... им нравится сидеть на кухне... Чисто в этих крошечных кухоньках необыкновенно и так тесно, что все буквально сидят друг на друге – мать стряпает, дети готовят уро-

ки, отец читает газету! Говорят, что если им построить помещение еще теснее, они бы перешли туда, как в нору – чем глубже, тем лучше... Эта потребность сбиться в кучу, спрятаться от внешнего мира..." (*там же*: 261).

Согласитесь, что это не просто очень информативная, но и очень сильная социологическо-психологическая зарисовка. И адвокат Ив резюмирует рассказ Сержа вполне как социолог и этнопсихолог: "Семья заменяет им, бедным, родину... В семье они у себя, защищены от внешнего мира, от людей, которые на них непохожи" (*там же*: 268). Эта реплика вполне годится для объяснения роли, значения семьи во всех эмигрантских сообществах, у всех этнических меньшинств, живущих рядом, внутри, среди этнических "большинств": семья – и оплот, защита от окружающего мира (не всегда дружелюбного и предсказуемого), и та среда, где сохраняется и воспроизводится своя "этничность", своя культура: язык, обычаи, традиции.

А если отвлечься от общих характеристик и оценок и перейти к конкретике, так сказать, спуститься (или подняться?) на личностный уровень, то тут автор романа демонстрирует самые разные – и очень реалистичные – варианты и ассимилированности ("укорененности"), и сохранения своего этнонационального самосознания (и патриотизма по отношению к своей "коренной" родине), и переходной (неопределенной) этничности. Вот характерная картинка, речь идет об одной польской семье. Зять (еще молодой человек) говорит: "... я француз только на бумаге. А сердцем я поляк. Я хочу вернуться в Польшу. Там я по крайней мере буду работать на свою страну!".

Было ясно, что возвращение в Польшу – повседневная тема разговора в их семье. Сын и зять, оба родились во Франции и никогда не были в Польше. Но сын говорил по-французски, как француз, а зять выражал свои мысли с большим трудом и не всегда понимал то, что при нем говорилось по-французски. А ведь они были почти ровесниками.

«– А я не поеду! – сказал сын. – Мне в Польше нечего делать. Моя родина – Франция. Другой родины я не знаю. Больше того: моя родина именно здесь, в этой местности. Я был один раз в Париже – он мне ни к чему! И Польша мне тоже не нужна. Я не хочу ехать за границу (страна отцов для него уже "заграница." – С.К.), чтобы там в один прекрасный день моих детей стали обзывать то так, то этак» (*Там же*).

Очень выразительно и кратко, как говорится, "двумя словами", ситуация "неопределенной этничности" выражена в следующей сценке. Серж разговаривает с девушкой, с которой он только что танцевал: "Вы замечательно танцуете. Вы полька?"

– Не знаю. Мои родители – поляки" (*там же*: 243–244).

Специалист-этнолог может на эту тему написать научный трактат. А талантливый литератор – поставить, описать проблему несколькими словами.

Невольно вспоминается Сергей Есенин, который, думаю, ни одного этнологического сочинения никогда не читал, ни об одной дискуссии по проблеме взаимоотношений славянских и финноугорских племен в период раннего русского средневековья и слыхом не слыхивал, но двумя строчками внес свой художественный вклад в ее осмысление: "Затерялась Русь / В Мордве и Чуди...".

Единственно возможный комментарий: много дано талантливым писателям, поэтам... (Вот уже более 40 лет ахают в недоуменном восторге по поводу хорошо известной строки из всем известного стихотворения другого гениального русского поэта: "Спит земля в сияньи голубом...") До полета Ю. Гагарина было еще так далеко... и откуда было знать Михаилу Юрьевичу, что орел нашей планеты, при наблюдении извне, голубоватого цвета?.. Конечно же, не знал. Предощущал? Во сне каком-то так увидел?.. Этой тайны мы никогда не узнаем.)

Среди персонажей романа Э. Триоле немало эмигрантов из Испании. Это и бежавшие после поражения в гражданской войне республиканцы, и рабочий люд, селившийся в одном из районов Парижа еще с конца XIX в. Этот район, Плен Сен-Де-

ни, стал настоящей маленькой Испанией, «со своим особым языком, пищей, песнями и обычаями. На Плен старики, так давно живущие во Франции, почти не говорят по-французски и даже молодые, хотя они говорят по-французски, как французы, мечтают об Испании и твердят печально: “Ведь здесь мы навсегда останемся незванными гостями...”» (*там же*: 357).

Таким образом, вживание в новую родину (даже если человек здесь родился) – дело непростое, болезненное, процесс длительный и противоречивый. Что уж говорить об эмигрантах первого поколения. Характерны признания Альберто, коммуниста, в прошлом генерала авиации республиканской армии: “Когда в Париж приехала франкистская футбольная команда и проиграла матч, некоторые испанские республиканцы были в отчаянии. Фашистская или нет, команда была все-таки испанская! А когда в другой раз команда выиграла, все испанские республиканцы ей аплодировали, несмотря на то, что испанские футболисты салютовали публике по-франкистски. Все, что имеет отношение к нашей родине, кажется нам теперь прекрасным. Пока мы были там, мы все критиковали, но из изгнания Испания кажется нам чудом из чудес... Я не хочу сказать – режим Франко, но Испания!... Мы покончили наконец с местным патриотизмом – мадридским или севильским... Испанцы в изгнании обрели подлинный испанский патриотизм, они поняли, что их судьба неразрывно связана с судьбой Испании” (*там же*: 346).

А вот достаточно краткая, но выразительная характеристика еще одной эмигрантской группы – алжирцев (напомню, что в то время Алжир еще был частью колониальной империи Франции). Они заняты на самых непрестижных, тяжелых работах (например, на прокладке дорог): французы с ними практически не общаются, более того, их брезгливо сторонятся; для названия их используется презрительная кличка “бико”. Ольга Геллер говорит о них Дювернуа: «Вы не находите, что они похожи на рабов?... Во Франции живет триста тысяч человек, которых никто не любит. Никто не хочет с ними общаться... Несчастные люди... Они еще более “незванные”, чем мы. Ведь у нас – несмотря на то, что французы не любят польскую, итальянскую или русскую эмиграцию, – у нас все-таки есть друзья среди французов, не правда ли?... Французские женщины не боятся показаться на людях с итальянцем или с русским... с иностранцем... Но не с алжирцем. Это знакомство нелестное... Алжирцы слишком бедны, они нищие и отверженные “бико”» (*там же*: 321–323). Разве такое отношение французов, европейцев вообще, к людям, народам из мира ислама не стало одной из причин оживления и укрепления исламского фундаментализма, появления исламского терроризма, со страшными проявлениями которого западный мир, мир самодовольного, преуспевающего “белого человека” столкнулся в последние годы? Разве страницы романа Э. Триоле, посвященные этим людям-изгоям, не были предупреждением (одним из многих, конечно) о возможных последствиях?

Не забыты в этом произведении Э. Триоле и эмигранты-армяне. Их представляет г-н Тавиан, пожилой, невысокого роста, красивый мужчина, “лучший сапожник Парижа. Художник и мастер, каких теперь уже не осталось”, как рекомендует его Ольге Элизабет Крюгер. Участник французского Сопротивления, он попал в германский концлагерь, где чудом избежал гибели. Но это была не первая ситуация в его жизни, когда насильственная смерть была в одном шаге от Тавиана: «...он бежал из Турции в 1915 г. во время резни армян... у него убили всех родственников и друзей... Он жаждет вернуться в “колыбель армян”, откуда его выгнала резня, организованная турками» (*там же*: 317–319).

Есть в романе и пара страничек об эмигрантах-ассирийцах. Как и армяне, они бежали от турецкого геноцида. Бездомные и бесправные, они, несколько сотен человек, жили на птичьих правах неподалеку от Марселя. Но их молодежь – «совершенные французы (рассказывает о них Фред, молодой французский еврей. – С.К.), они могли бы натурализоваться без особого труда, они, конечно, ничего не знают о сво-

ей родине, да и где, кстати, их родина? И почему не быть ею Франции, где они родились? Так вот, они создали в 1947 г. “Общество ассирийской взаимопомощи”, они гордятся тем, что принадлежат к такому благородному племени, и не хотят, чтобы их путали с другими народами...» (*там же*: 331–332).

Этот сюжет – к теме этнического ренессанса, многообразные проявления которого мир наблюдает (и ощущает – иногда весьма болезненно и встревоженно) начиная с середины XX в.

Конечно же, в романе присутствует еврейская тема, особенно концентрированно в главах XXV и XXVI, где речь идет о французской молодежи еврейского происхождения. С двумя ее представителями Ольга Геллер знакомится у своей давней приятельницы Элизабет – шведки, живущей в Париже, подруги мультимиллионера. Это Агнесса, приемная дочь Элизабет (спасенная в 1942 г. – ей было тогда 5 лет – соседями-французами во время нацистской облавы), и ее друг Фред. Элизабет рассказывает Ольге об Агнесе, собирающейся эмигрировать (репатрироваться?) в Израиль: «...Агнесе во что бы то ни стало хочется иметь родину... с тех пор, как она поступила в школу для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости, она почувствовала себя еврейкой: оттого, что с ней вместе там учатся девочки и мальчики еврейского происхождения... Среди них есть дети эмигрантов и дети евреев, испокон веков живущих во Франции... Французские евреи... Мне никогда бы и в голову не пришло, что они евреи... Я считала их просто французами... И вот, по прошествии многих веков, они перестали ощущать себя французами, потому что во время оккупации французы сажали евреев в концлагеря. Евреи не могут им это простить. И если люди из старшего поколения французских евреев “и в мыслях не имеют покинуть Францию и жить в Палестине”, [то] молодежь хочет ехать... Они хотят создать “национальный еврейский очаг”, как они выражаются... И потом еще “воссоздать нацию”... Они хотят иметь свои законы, свои обычаи, свой язык. Родину... Ольга, мы должны понять эту молодежь, которая экспатрируется, чтобы обрести родину... Видите ли, Ольга, чтобы человек стал гражданином какой-нибудь страны, требуются две вещи: гражданин должен принадлежать этой стране, а страна должна принадлежать гражданину» (*там же*: 296–297).

Очень сильная, выразительная формулировка, где особо значима ее вторая часть: “страна должна принадлежать гражданину”. Если этого нет, то происходит многое такое, что мы наблюдаем и в нашей стране, особенно в последние полтора десятилетия: и эмиграция (экспатриация?) различных групп населения (причем не только относящихся к этническим меньшинствам), и демографический кризис, и “утечка мозгов”, и некачественная работа, и пьянство, и наркомания миллионов людей, и разные другие негативные явления.

Ф. Энгельс как-то отметил, что Бальзак в своих романах дал настолько реалистическую историю Франции первой половины XIX в., что “даже в смысле экономических деталей [он] узнал больше..., чем из книг всех специалистов-историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых” (*Маркс, Энгельс*: 36). Я не стану сравнивать комментируемое произведение Э. Триоле с научной литературой, характеризующей положение меньшинств и эмигрантских групп во Франции в середине XX в., происходившие в них процессы, их взаимоотношения с основным этносом страны, чувства, мысли, настроения людей из этих групп (прежде всего потому, что мало знаком с этой литературой, хотя кое-что читал в 1960-е годы, когда занимался франкоязычной Африкой), но нельзя не признать, что очень реалистичный роман “Незванные гости” дает не только читателю, но и исследователю-этнологу довольно большой и бесспорно интересный материал для размышлений, оценок, обобщений.

Несколько итожащих соображений, предположений и мечтаний. Конечно, сегодня еще рано с определенностью говорить, что на стыке, перекрещении науки о народах (этнографии, этнологии, культурной/социальной антропологии) и художественной ли-

тературы в России возникло, сложилось новое направление исследований, тем более – новая научная дисциплина (или субдисциплина): тех немногих опытов, о которых я говорил в этой статье, конечно, явно недостаточно для такой констатации. Правильнее, точнее будет сказать, что заложены первые “кирпичи” и “кирпичики” такого направления, которое я назвал этнолитературоведением. Суть его, содержание – активное вовлечение, привлечение художественного текста в сферу этнологических исследований, причем не только как еще одного вида источников; интересен и перспективен подход к произведению художественной литературы с точки зрения отражения в ней (другими, именно ей свойственными средствами) тех проблем и ситуаций, которые изучает современная этнология. Тем самым этнология еще в большей мере становится *антропологией в широком смысле* этого понятия, т.е. наукой о человеке и человеческих группах, о созданной им (ими) *второй природе* – человеческой культуре во всем ее бесконечном многообразии и разнообразии. В изучении этнических типов, национальных (этнических) характеров, особенностей групповой и национальной психологии, внутри- и межгрупповых, внутри- и межэтнических отношений, быта и нравов различных социальных, культурных, этнических групп – всего того, что составляет океан материальной и духовной культуры народов – этнологу и литературоведу, соединенный в одной творческой личности, сможет сделать немало интересных и ценных наблюдений, обобщений, заключений, обогатит этнологию и содержательно, и жанрово, и стилистически. Мне думается, что в нашей науке, в которой работает много талантливых, широко эрудированных людей, найдется немало таких, кого могут заинтересовать перспективы, открываемые профессиональной работой с литературно-художественным текстом, кто захочет попробовать себя в новом жанре, в новом стиле творческого самовыражения. И тогда этнолитературоведение непременно состоится.

Примечание

¹ Григулевич Иосиф Ромуальдович (1913–1988), чл.-кор. АН СССР. Видный специалист по истории, культуре, национально-освободительным движениям народов и стран Латинской Америки, по истории католической церкви и ее институтов, по теории и практике расизма в разных регионах мира.

Литература

- Абашии 2003 – Абашии С.Н. Свой среди чужих, чужой среди своих (размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса “Свой”) // Этнограф. обозрение. 2003. № 2.
- Кагаров 1999 – Кагаров Е.Г. Этнографические мотивы в поэзии А.С. Пушкина // Этнограф. обозрение. 1999. № 3.
- Козлов 2002 – Козлов С.Я. Этнологические мотивы и проблемы в сочинениях Константина Леонтьева // Этнограф. обозрение. 2002. № 3.
- Краткий 1988 – Краткий словарь по социологии. М., 1988.
- Маркс, Энгельс – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37.
- Оканза 1983 – Оканза Жакоб. Африканская действительность в африканской литературе. Этнолитературный очерк / Пер. с фр. М., 1983.
- Пушкарев 1999 – Пушкарев Л.Н. Неоконченные споры вокруг образа Руслана // Этнограф. обозрение. 1999. № 3.
- Соколовский 2003 – Соколовский С.В. Этнография: стиль, жанр и метод (о статье С.Н. Абашии “Свой среди чужих, чужой среди своих”) // Этнограф. обозрение. 2003. № 2.
- СЭ № 1 – Сов. этнография. 1985. № 1.
- Токарев 1976 – Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1976.
- Триоле 1959 – Триоле Эльза. Незванные гости / Пер. с фр. М., 1959.
- Тульцева 1999 – Тульцева Л.А. Умилно на пучок зари... (к реконструкции одного из пушкинских образов милой старины) // Этнограф. обозрение. 1999. № 3.
- Филлипова 1986 – Филлипова Е.И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города // СЭ. 1986. № 4.

Clifford 1988 – Clifford J. *Predicament of Culture: XX-th c. Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge, 1988.

Iser 1993 – Iser W. *The Fictive and the Imaginary: Charting Literary Anthropology*. Baltimore, 1993; Victor Turner and the construction of cultural criticism: between literature and anthropology / Ed. K. Ashley. Bloomington, 1990. Автор выражает благодарность уважаемым коллегам А.Л. Елфимову и С.В. Соколовскому, которые обратили мое внимание на упомянутые здесь работы.

Miller 1990 – Miller C. *Theories of Africans: Francophone Literature and Anthropology in Africa*. Chicago, 1990.

Poyatos 1988 – Poyatos F. *Literary anthropology: a new interdisciplinary approach to people, signs, and literature*. Amsterdam, 1988.

S.Y. Kozlov. Ethnoliterary Studies as a Prospective Research Field

The author argues that a new field of research is being formed at the junction of ethnology, fiction and literary studies, which he calls “ethnoliterary studies” (*etnoliteraturovedenie*). Its main aspiration is the use of fiction as a source for ethnological critique and studies of the problems and social and cultural situations that are reflected by writers in their literary texts.